

Печать.

окончании войны под влиянием поражения Турция партия скала милледе (национальная сила) выработала так называемый национальный союз...

Въ Мб «Зари» помѣщено интересное письмо изъ Петербурга лица, рекомендуемаго редакціей давнѣйшимъ социаль-демократомъ.

Мы возвращаемся семидесятилетиями шагами назадъ, — пишетъ авторъ. Къ намъ возвращаются наше старое общество, растрескавшееся прошлое...

когда трамваи стали, наконецъ, въ стѣнѣ урбанизма, видѣ ходить и по противнымъ улицамъ, и по Невскому, а на дняхъ начинаютъ ходить до 12 ч. ночи (до сихъ поръ лишь до 6 ч. вечера) и по воскресеньямъ и по другимъ праздникамъ...

когда то министръ просвѣщенія при Николаѣ I выразился, что «лучше, чтобъ русская литература кончилась».

Впрочемъ, наблюдается и полнейшій прогрессъ, подобный, напр., переходу отъ работы къ христіанству.

Вотъ напр., на мѣсто недавнихъ всеподожжыхъ путей, воскресившихъ времена истиннаго рабства, явилось прямо командные поборы. Къ нулю сведена всякая мелничная безлатная болыница и амбулаторная помощь.

Полобныхъ фактовъ можетъ быть названо сколько угодно. Отглаживая на свое соображеніе авторъ замѣчаетъ:

Пшшу вамъ эти песимистическія строки, не злопыхотавствуя, — а кровью сердца, ибо тутъ замѣшая самай священный фактъ каждаго изъ насъ...

Культъ пролетаріата и сейчасъ остается самымъ святымъ для автора, и потому ясно, что опъ не видитъ ни выхода, ни будущаго, ни вѣднтя, и причина пропелсидаго. И потому «кашшо буржуазно» авторъ думаетъ, что чуужо буржуазно приходится звать, чтобы изъ подъ обломковъ откатывать пролетаріатъ.

И. О. Ленинъ.

Стрезвление.

Переговоры и разговоры капиталистовъ съ обьектскимъ правительствомъ все умножаются. Нынѣ въ этомъ усатриваютъ успѣхъ совѣтской власти; на самоидѣлѣ въ этомъ сказывается лишь подготовка къ концу, заблаговременное занятіе позицій въ оживленіи престоящаго новаго строя.

Только вѣ дняхъ намъ пришлось отбѣдить, отбѣды, данную даже «Berliner Teblatt» на интервью «Челверина»; роцаровинныя корреспонденціи о вѣженіи въ Россіи по-авлялись въ дутыхъ вліятельныхъ органахъ буржуазной печати, въ частности, и (руководно относившихся къ болшевику — разумѣется, только ружоку. Такой же характеръ отрезвнтіи носили и доклады прочитанныя иными вернувшимися изъ Россіи спеціалистами. На сьзвѣдѣ сойдѣ демократической партіи часть рѣ Вельса была посвящена отнюдѣ и противоборству не только имѣемому коммунизму, но и кормящему то болшевику русскому. И наконецъ, въ недавню пронесенной Штраеманомъ, лидеромъ Volkspartei, программной политической рѣчи, снѣо занята опредѣленная позиція вѣобѣтскомъ вѣпросѣ. Отбѣтивъ необходимость для Германіи направившаго въоръ на Востокъ, опъ замѣтъ, что «дѣло идетъ не о Россіи сѣднашняго дня, а о Россіи будущаго».

Совѣтская Россія сѣднашняго дня перестаетъ кого дѣ соблазнять. Кончилось увлеченіе (дѣлвахъ, видѣвшихъ въ ней одно изъ исполненіе социалистическихъ обѣтованій; кончается увлеченіе уржуазныхъ круговъ, расчитывавшихъ на исполненіе обѣтованій шмерческихъ. Отрезвление идетъ по вѣ линии. И Россія будущаго начнѣтъ выдвигаться въ хозяйствѣнхъ расчетахъ европейцевъ, кашшо скоро начнѣтъ вѣставать и въ вѣ расчетахъ политическихъ. Л.

И. О. Ленинъ.

и разбѣглася среди державъ. Изъ союзниціи Греція, Италия и Франція превратились въ друзья авторской Турціи и, чѣмъ тѣбѣе сблжались опъ съ ними, тѣбѣе безнадежно становилось дѣло грековъ. Поэтому стоило собраться съ силами Мустафы Кемалю шорвать въ рѣшительное наступленіе и ему удалось съ чрезвычайной быстротой прогнать грековъ съ Азіатскаго материка.

Какъ показывается тотъ его дипломатическій переплетки и заявленной его представителями въ Европѣ, опъ намѣренъ использовать свою побѣду до конца. Если бы Европа не была въ такой мѣрѣ истощена, опасностъ новой войны была бы несомнѣнно чрезвычайна велика. При нѣшнемъ же положеніи, однако, новый пожеръ на пождѣ обостренія близке-восточномыиъ. Дѣло, повидимому, ограничится сильными ударами по престижу Европы на Востокѣ, съ которымъ она, — прежде всего Англія, — по всей вѣроятности вынуждена будетъ примириться.

И. А. Бунину.

Какъ воды горь, твой голосъ гордъ и чистъ. Алмазныи стихъ наполнишь райскимъ медомъ. Ты любишь Миръ и юный мѣсяцъ, — листъ желтѣющей надъ суглимихъ, сочными плодомъ. Ты любишь змѣй, — тяжелыхъ злыхъ узловъ и жгучий стихъ, — одинъ горнитъ, одинъ, надъ маревомъ губительныхъ годинъ, — и весъ въ пѣлѣхъ твой жертвенникъ свободный. Онъ каплетъ въ ночь рососо ледяной в литарныя благовонія знобыиъхъ, и нагота твоихъ созвучій стройныхъ слыатъ мнѣ — какъ бы съгъза шельзъ цѣбъной. Довѣстѣнъ я и молодой, въ мѣрѣ покоемъ, кохупетивномъ, — во сѣбитъ все лѣтнѣи мой строгій путь; ни помнхъ, ни словомъ во согрѣшу предъ музою твою. Вл. Сиринъ.

Незабвенное.

Какіе странно иэомы бываютъ въ человѣчской душѣ и какія неожиданности! Въ Парижѣ, знакомо французамъ, погнхъ жилище въ Москвѣ, пригласила меня къ себѣ на обѣды, «чтобы поговорить на хорорное русское» языкѣ, чтобы выпить рюмку доброй русской водки и отбѣдять «сутюныиъ» шей съ греновой кашей или съ кулебой. Нѣкоторые изъ нихъ опно пропозносили «кулебыка», но некропю очитали себя коренными москвичами, и за напнмъ, столочъ полгался штрафъ за каждое французское слово, сорвавшееся съ языка. Выда ли это рисунокъ, гудачество, или блажѣ? — Мнмало! Это было только отарованіе нашей прекрасной родины. Напнхъ дѣловъ съ голубыми, сочными озерами; напнхъ хрустальныхъ рѣкъ и всего нашего простора, шриволья и шпроты безброшной. И отгнѣ во Парижѣ, на улицѣ Б.Норвѣ, въ квартирѣ мѣовіею Дювернуа, началась шутенный штрафъ за каждое французское слово на «русскнхъ» обѣдахъ. — Какіе они все узонкіе, коротконокіе и какіе чуужіе! — жаловался мнѣ monsieur Дювернуа. — Кто? — Французамъ! Это было сѣшшо, но отаровательно. Дажо колдовство волшебнаго города Парижа мало увлекало этихъ французскихъ руссѣтовѣ. Горьдѣ, въ которомъ запечатлѣлось все отарованіе старой Европы и весь гоній латинскаго міра — оставался для нихъ гдѣ-то въ сторогѣ. Ни все опѣ были въ своей Москвѣ, и съ наслѣжденіемъ и даже со смакомъ пропозносили семья названій московскихъ улицъ:

— У насъ, на Остоженкѣ... — А у насъ, на Поварской... Не отставали отъ мужичнхъ — ни въ руссѣфильствѣ, ни въ хлѣбосѣствѣ — и дами; французшкн. Правда, съ русскими языкомъ у нихъ было не все благополучно. Madame Дювернуа говорила своимъ ребятамъ: — Садитесь и молчитесь! Но охота къ нашему языку, и я бы сказала даже, вкусъ къ нашей рѣчи бѣди и у ней. — Вы знаете, monsieur, — говорила она мнѣ, — изъ всѣхъ русскнхъ словъ я не могу иравильно произнести только одно. Но это дѣйствительно узасное слово, невѣроятно трудное для иностранки!... — Какое же, madame? — Оказалось, что это было совсѣмъ номурающее слово — «шншншн», которое французшкна пропозносила, какъ «шншшшш». — Неправда ли, это и для васъ трудно? — Но нисѣлѣкомъ, madame... — Вы знаете, мой мужъ, который говоритъ по-русски, какъ по-французски, тоже не чистѣ пропозноситъ это слово — «шншшшшш»... Ужасно трудно!... Въ Египтѣ, когда я жилъ «въ гостяхъ у англійскаго короля», я познакомился съ военноплѣннымъ туркомъ, который когда-то, опѣ въ юности, жилъ въ Одессѣ и работалъ въ шпѣнокариѣ. Это былъ вѣсокій, шпривольчій турокъ изъ крестьянныиъ, сильный, какъ быкъ, и кроткій, какъ теленокъ. Наше знакомство началось съ его вѣпроса: — Урусски говорить можешь? — Да, помнюко умѣю. А ты? — И мы тожо можомко мѣзеть... Одесса — мама... Пекарня служнтъ, бублншѣшншнати дѣлать... Карашо!